

ФЕНОМЕН СИНЕРГИИ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В русской культуре нетрудно обнаружить определенные пики и спады в развитии. Но несмотря на дискретный и катастрофичный характер, признаваемый почти всеми исследователями, русская культура сохраняет единство и уникальность. Автор статьи проводит мысль, что данное единство обеспечивается распространением на большинство сфер культуры центральных «ядерных» идеалов, отличающихся стабильностью и устойчивостью. Для Руси «ядерными» были православные идеалы. Но вместе с православием из Византии была заимствована теория и практика исихазма — мистико-аскетической православной традиции. Синергия является основным понятием исихазма. Автор, вводя в исследование категорию синергии, сделал попытку объяснить периоды расцвета русской культуры наиболее полным воплощением исихастско-синергийных идеалов. Один из таких периодов-пиков приходится на древнерусскую культуру, точнее на XIV–XV вв. Именно в это время Русь наиболее активно воспринимала идеи исихазма из Византии, что проявилось в образовании собственной монастырской культуры, в распространении старчества, в реализации исихастских идеалов в творчестве Феофана Грека, Андрея Рублева, во фресковой живописи, в архитектуре культовых сооружений, в литературе.

Ключевые слова: русская культура, православие, ядро культуры, исихазм, синергия, исихастско-синергийное ядро, аскетизм, иконопись, старчество, монашество.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что изучение истории русской культуры, усилия, направленные на ее постижение, могут дать современному человеку надежный ориентир для самореализации, для самоопределения. Поэтому проблемы, связанные с возникновением, существованием и развитием русской культуры, находятся в центре внимания современного культурфилософского знания, одной из задач которого стало не захоронение торжествовавших в прошлом культурных идей и черт, а их анализ, позволяющий по-новому взглянуть как на культурную историю России, так и на ее современное состояние и формирующееся будущее.

Существует множество теорий, в которых по-разному раскрываются фундаментальные характеристики и закономерности развития русской культуры. Но, несмотря на разнообразие концепций, почти все ученые сходятся в одном, признавая дискретный и катастрофичный характер развития русской культуры. Недаром Н.А. Бердяев писал, что «для русской истории характерна прерывность», и выделял в ней «пять периодов, которые

дают разные образы. Есть Россия киевская, Россия времен татарского ига, Россия московская, Россия петровская и Россия советская»¹. Однако, несмотря на прерывистость, дискретность и катастрофичность, русская история и русская культура на всех этапах своего развития сохраняли вполне определенное единство, делавшее, условно говоря, «пять разных России» историческими фазами одной развивающейся России. Позволим себе предположить, что данное единство, благодаря которому русская культура существует как уникальное, неповторимое и узнаваемое явление на протяжении всего своего многовекового развития, можно объяснить, исходя из положений ядерно-сферической концепции, активно разрабатываемой сейчас Н.В. Поддубным².

В соответствии с данной концепцией, культура рассматривается как структурное образование, со-

¹ Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: Эксмо, 2005. С. 15.

² Поддубный Н.В. Самоорганизующиеся системы: онтологический и методологический аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 2000. 335 с.

стоящее из ядра и периферии. Ядро представляет собой узловой элемент системы, образуя квинтэссенцию всех имеющих существенное значение системных связей и отношений. Периферия — сфера, на которую распространяется упорядочивающее влияние ядра. Эту мысль поддерживает Д.В. Пивоваров, выделяя в культуре «твердое ядро» и так называемый «защитный пояс»³. Ядро культуры концентрирует в себе нормы, стандарты, эталоны и правила деятельности, а также систему ценностей, выработанных в реальной истории данного культурного целого. Главная функция ядра культуры — сохранение и передача самоидентичности социума, поэтому оно обладает высокой устойчивостью и минимальной изменчивостью.

Представляется, что для русской культуры таким ядром была религия, православная вера. Мало того, многие историки и философы считают, что история всей русской культуры началась только после принятия Русью христианства от Византии, и дата крещения Руси стала, таким образом, начальной точкой отсчета национального культурно-исторического развития России. Как совершенно справедливо пишет С.С. Хоружий: «Древняя Русь приняла из Греции христианство. ...религия служила стержнем, формообразующей основой всего национального бытия. “Русь” и “Православие” стали для русского сознания восприниматься почти как синонимы»⁴.

«Вторым по значению духовным вкладом, духовным импульсом»⁵, тоже пришедшим из Византии, был переход в Россию исихастской традиции. Исихастская школа, исихастский тип христианской аскезы «удивительно прижились и привились» на Руси, найдя здесь вторую родину. И если православие было ядром русского национального бытия, то «исихастский подвиг, “умное делание”, как выразился бы о. Павел Флоренский, ядром ядра»⁶. Исихастские представления о назначении человека, о нравственных устоях и ценностях глубоко вошли в русское сознание, образовали там «стержень

русского религиозного мирозерцания»⁷. Исходя из этого, можно предположить, что нормы, правила, принципы исихазма, ставшие «ядерными» идеалами, распространившись на всю культуру в целом, и создали то определенное единство русской культуры, о котором говорилось выше.

Основным понятием в теории и практике исихазма является понятие синергии. Отметим, что в самом общем виде синергия трактуется как «сорботничество» человека и Бога в реализации Божия замысла о спасении мира и человека, взаимодействие божественной благодати и человеческой свободы»⁸. В своих работах, рассмотрев возникновение и развитие этой категории в теологии⁹, проследив связь синергии с синергетикой¹⁰, представив ее как вид диалектического противоречия, акцент в котором смещен с момента борьбы на момент единства, кооперации и сотрудничества¹¹, мы предложили следующее определение синергии. Синергия — совместное действие, взаимодействие противоположных потенциалов или энергий, имеющее общую направленность к идеалу, с одновременным достижением синергетического эффекта. Процесс достижения синергии аскеты-подвижники сравнивали с образом лестницы — «лествицы», высшей ступенью, целью которой было достижение состояния «обожения», когда после трудной мучительной борьбы с самим собой и обстоятельствами человек соединял свои энергии с нетварными Божественными энергиями и становился «Богом по благодати».

Естественно, процесс распространения идеалов исихастско-синергетического ядра в русской культуре не отличался стабильностью и постоянством. Как известно, русская культура в своем развитии также имела определенные пики и спады. Позволим себе предположить, что идеалы исихастско-синергетического ядра, с одной стороны, обеспечивали устойчивые, вневременные характеристики и

⁷ Там же.

⁸ Философский словарь. [Электронный ресурс — URL: http://mirslovari.com/content_fil/sinergija-5058.html#ixzz2PsOdOF70].

⁹ Берсенева Т.П. Синергия и мистика исихазма в контексте православного богословия // Вестник Омского университета. 2012. № 1 (63). С. 50-53.

¹⁰ Берсенева Т.П. Синергия и синергетика: категория исихазма и современная наука // Вестник Томского гос. университета. 2013. № 369. С. 41-47.

¹¹ Берсенева Т.П. Синергия и диалектическое противоречие // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2012. № 3 (27). С. 102-108.

³ Пивоваров Д.В. Синтетическая концепция культуры. Проблема синтеза основных дефиниций культуры // Синтетическая парадигма в философии: избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 13.

⁴ Хоружий С.С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы [Электронный ресурс — URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/isihazm.html>].

⁵ Там же.

⁶ Там же.

качества русской культуры, с другой стороны, достигая на определенных этапах наиболее полного своего воплощения, способствовали появлению своеобразных пиков в развитии русской культуры. Исходя из этого, в развитии русской культуры условно можно выделить несколько таких этапных пиков, когда наиболее ярко проявились черты исихастско-синергического ядра. Задача данной статьи — показать, что один из пиков синергического развития приходился на XIV–XV вв. русской культуры.

Историческая ситуация XIV–XV вв. способствовала тому, что русская православная церковь именно в то время плодотворно усваивала зрелые формы византийско-афонского исихазма, достигшего к середине XIV в. своей кульминации. «В эту эпоху на Руси были прекрасно осведомлены о том, что происходило в Византии. Идеи исихазма, споры в связи с его аскетическим опытом нашли здесь широкий отклик»¹². Теория и практика исихазма приходила на Русь непосредственно из Византии, с которой поддерживались тесные связи, из Афона и славянского юга. Многие митрополиты, возглавлявшие в то время русскую церковь, были непосредственно связаны с традицией, среди них митрополит Киприан, Алексей, Фотий, Феогност. Но исихастская традиция не только усваивалась, она распространялась и способствовала духовному, культурному и даже политическому развитию Руси. Поэтому мы и будем говорить о XIV–XV вв. как о пике синергического развития русской культуры, чему имеется достаточно оснований.

Порожденный деятельностью Сергия Радонежского и его учеников в это время наблюдался бурный подъем монашеской и монастырской жизни. Благодаря деятельности Сергия Радонежского и его последователей, с конца XIV в. повышается влияние Троице-Сергиева монастыря и основывается множество монастырей по всей территории Руси. По данным летописей за сто лет со дня основания Троице-Сергиевой лавры в 1337 г. возникло около 150 монастырей, которые, следуя исихастским принципам, стали центрами молитвы и духовного просвещения.

В это же время начало распространяться старчество. Старцы среди русского населения имели больший авторитет, чем игумен или архимандрит. Старцы были духовниками князей и бояр. К стар-

цам, отшельникам, молитвенникам приходили православные за советом и помощью. Период XIV–XV вв. дал нашей культуре больше святых, чем другие периоды русской истории. Таким образом, деятельность Сергия Радонежского, возникновение большого количества монастырей как центров исихастской традиции, появление старчества — все это говорит о широком распространении исихастско-синергических идеалов.

Кроме этого, как совершенно точно замечал Л.А. Успенский, «расцвету русской святости сопутствовал расцвет церковного искусства»¹³. Мало того, Успенский прямо заявлял, что мировоззрение исихазма играло главную роль в развитии христианского искусства и в формировании художественного сознания: «Русское искусство XIV–XV вв. находилось под прямым воздействием исихазма»¹⁴. Это время создания великолепных произведений архитектуры, литературы, церковной музыки, но особое место занимала иконопись: «Везде, где на Руси жили и собирались люди, были иконы — как вездесущее напоминание о вере, которая давала ощущение высшего смысла существования»¹⁵. Глубокий анализ богословско-философской функции иконы дал специалист по философии искусства В.В. Бычков¹⁶.

Действительно, расцвет русской иконописи, который пришелся на XIV в., в значительной степени обусловило восприятие исихазма. Исихастами были живописцы, оставившие наиболее заметный след в иконописи. Непосредственное отражение основных исихастских принципов можно обнаружить в творчестве Феофана Грека, в зрелом возрасте переехавшего из Византии на Русь, ставшую для него второй родиной. Произведения русских мастеров XII–XIII вв. отличались от их византийских прототипов приземленностью образов, громоздкостью композиции, обилием конкретных деталей и некоторым примитивизмом. На этом фоне произведения Феофана представляют собой прорыв к совершенно новым духовным высотам. Персонажи его икон и фресок предельно одухотворены, окружены сиянием, словно бы поднимающим их над всем земным, уносящим к Богу. Феофан передает это сияние с помощью

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Биллингтон Д.Х. Икона и топос [Электронный ресурс — http://krotov.info/library/02_b/il/lington_00.htm].

¹⁶ Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М.: Мысль, 1995. 637 с.

¹² Успенский Л.А. Богословие иконы Православной церкви [Электронный ресурс — URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=746>].

характерных приемов: в виде световых бликов, похожих на язычки пламени, отображающихся на теле, руках, голове святых, или в виде светлых контуров, охватывающих изображаемые фигуры. Не вызывает сомнения тот факт, что, изображая это сияние, Феофан имел в виду Фаворский свет, выражающий нетварные Божественные энергии, разлитые в мире, — понятие, находящееся в центре исихастского учения. Исихазм радикально изменил представления об отношениях человека и Бога, земного и Божественного бытия, и в творчестве Феофана эти изменения получили зримое воплощение. Его святые, подхваченные какой-то невидимой силой, в мистическом порыве поднимаются над земным несовершенством, прорывают границу между горним и дольным. И даже лицо Спаса Вседержителя, грозного и властного судии, на фреске из Новгородского собора обретает человеческое выражение, теряет отрешенность и холодность.

И все-таки окончательной синергии — «обожения» человека Феофан не признавал, как этого не допускали и сами византийские исихасты. Бог оставался судьей и властителем, хотя и более понятным в своих решениях и повелениях, но недоступным для человеческой мольбы. Такое восприятие Бога было характерным для византийского богословия, где были сильны тенденции монофизитства, идущие от св. Кирилла Александрийского. Поэтому в византийской иконописи Иисус Христос изображался в основном в образе Пантократора — Всмогущего, а не любящего, сострадающего и прощающего. Феофан, будучи византийцем, выразил наиболее сильно как раз трагизм и безысходность бытия. Может быть, нелегкая жизнь в холодном северном городе тоже не внушала ему оптимизма.

Поэтому, глядя на творения Грека, чувствуется, что Фаворский свет, исходящий от Бога и поднимающий святых над обыденностью и несовершенством мира, все же не способен сделать их столь же совершенными, как Бог. Феофан подчеркивал это созданием на своих иконах и фресках резкого контраста между темными фигурами святых и ослепительными бликами света, соприкасающихся с этими фигурами, накладывающихся на них, но не просветляющих их внутренней сумрачности. Очень выразительны и лица феофановских святых: они выражают не высшую мистическую радость от встречи с Богом, а ужас от тяжести той ответственности, которая пала на них.

Суть глубокого различия между русской и византийской культурами XIV-XV вв., связан-

ного, прежде всего, с разным пониманием отношения Бога и человека, ясно выразил в своем произведении «Умозрение в красках» Е.Н. Трубецкой. В отличие от статичного представления о противостоянии законченного божественного совершенства и земного несовершенства, бессильного превзойти самого себя, Трубецкой находил в центре древнерусской культуры представление о динамическом взаимодействии двух сфер бытия, глубокое переживание устремленности земного мира к божественному совершенству. Вот что он писал о различии византийских и русских храмов: «Византийский купол над храмом изображает собою свод небесный, покрывший землю. ... наша отечественная “луковица” воплощает в себе идею глубокого молитвенного горения к небесам, через которое наш земной мир становится причастным потустороннему богатству. Это завершение русского храма — как бы огненный язык, увенчанный крестом и к кресту заостряющийся»¹⁷.

В иконе воплотилось синергичное противоречие, заключающееся в диалогическом взаимодействии противоположностей: аскетического образа жизни и радостного приятия этой жизни, проявившегося в ярких жизнеутверждающих красках икон Андрея Рублева. Именно в сравнении с творческими принципами Феофана особенно заметно новаторство мировоззрения, которое пытался выразить в своем творчестве Андрей Рублев. Суть этого нового мировоззрения, основанного на исихастско-синергичной парадигме, великолепно передал Е.Н. Трубецкой в вопросе, на который сам и ответил: «Как совместить аскетизм с этими необычайно живыми красками? ... мы имеем здесь две тесно между собой связанные стороны одной и той же религиозной идеи: ведь нет Пасхи без Страстной седмицы и к радости всеобщего воскресения нельзя пройти мимо животворящего креста Господня»¹⁸. Пережив трагедию татаро-монгольского нашествия, физический и нравственный гнет ига, русский народ постепенно начал подниматься с колен, осмысливать свое предназначение и свое место в мире, раскрывать душу и сердце навстречу солнцу, радости и Богу, который стал восприниматься не только как грозный Судия, но как воплощение любви, милости и всепрощения. Мало того, Божественный свет, пронизывающий мир и

¹⁷ Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. Вопросы о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1916. С. 9.

¹⁸ Там же. С. 14.

означающий присутствие Бога в каждом элементе бытия, стал ощущаться близким и «предназначенным» человеку, который, оказывается, через предельную телесную и духовную концентрацию и отстранение от мира может открыть внутри себя самого нерасторжимое единство с Божественными энергиями — синергию — и осознать себя Творцом. Чудо преображения, позволяющее человеку через молитвенное сосредоточение всех своих внутренних сил уже в земном бытии пережить нерасторжимое единство с Богом, свое абсолютное совершенство — это главное настроение творений Рублева, что по сути дела является воплощением синергийного принципа: стремление к высшим горним идеалам.

Мысль о синергии, о достижимом совершенстве человека, способного стать центром преображения всего земного бытия, выражена в самых известных творениях Рублева: в «Спасе» из Владимирского собора и «Троице». В «Троице» особенно ощущается глубокая задумчивость, спокойная созерцательность и светлая грусть, что, конечно, связано с учением исихастов о самоуглубленности и созерцании Бога. В спокойствии рублевских образов нет страха перед Божеством, нет его даже в росписи Владимирского собора на тему Страшного суда, наоборот, они выражают убеждение Рублева в возможности и неизбежности благодатного преображения земного бытия. Изображение Страшного суда как праздника нагляднее всего демонстрирует оптимистическую веру Рублева в земного человека, несущего в себе возможность божественного совершенства и способность к этому совершенству.

Не только живопись Феофана Грека и Андрея Рублева испытала на себе влияние исихастского мировоззрения. Те же, типично исихастские особенности были отмечены учеными на фресках Снеготорского монастыря, Михайло-Сковородского монастыря, церкви Спаса на Ильине, церкви Федора Стратилита, церкви Спаса на Ковалева и других архитектурных памятников. Весь комплекс Вологовской росписи М.В. Алпатов рассматривал как систему, изображающую путь к совершенству, что демонстрирует связь с исихастским учением об индивидуальном восхождении человека к Богу¹⁹. Конечно, не все художники разбирались в учении исихазма и практиковали его в жизни. Но именно

исихазм с его основополагающим синергийным принципом сыграл главную роль в расцвете русской живописи.

Кроме этого, можно проследить связь идей исихастско-синергийной парадигмы с другими явлениями искусства, что говорит о распространении идеалов исихастско-синергийного ядра на все культурные сферы, т.е. об образовании так называемого синергийного эффекта. Действительно, время XIV–XV вв. сопровождалось не только рождением «золотых» произведений древнерусской иконописи, но и пробуждением других форм русской мысли, когда человек, восприняв Божественные энергии, сам становился творцом. Исихастское понимание творчества как Богопознания, способствующего преобразованию себя и мира, проявилось в литературном творчестве. До XIV в. совсем немногие художественные произведения имели автора (мы до сих пор не знаем, наверное, и не узнаем никогда автора «Слова о полку Игореве»), так как литератор не считал себя создателем, творцом в полном смысле слова. В собственном сознании (и в сознании окружающих) он ощущал себя лишь исполнителем высшей воли, смиренно исполняющим предначертанное Святым Духом. Исихастское внимание к внутреннему миру человека, ко всем движениям сердца, видящее высший смысл человеческой жизни в достижении синергии, которая, в свою очередь, может быть достигнута только путем свободного выбора, свободного соединения с Божественными энергиями, — все это способствовало появлению иного отношения к авторству. Как писал Д.С. Лихачев, анализируя русскую культуру XIII–XV вв., авторы житий стали много говорить о себе, писать обширные предисловия, в которых рассказывали о причинах, побудивших их взяться за перо, рассказывать о своих намерениях, о своем отношении к святому, что «показалось бы в предшествующие века грехом самовосхваления. Все изложенное проникается субъективизмом и лиризмом. Индивидуалистически настроенные писатели начала XV в. (Епифаний Премудрый, Пахомий Серб) относятся с видимым интересом к внутреннему миру своих героев. Впервые, хотя еще примитивно и схематично, писатели начала XV в. трактуют о психологических переживаниях своих героев, о внутреннем религиозном развитии святых»²⁰.

¹⁹ Алпатов М.В. Фрески храма Успения на Вологовом поле // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР: Сб. статей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 103–148.

²⁰ Лихачев Д.С. Культура Руси времен Андрея Рублева и Епифания Премудрого // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 100.

Жития этого периода характеризуются обилием длинных речей, многочисленных риторических украшений, скоплением местоимений, союзов — все это выразилось в создании стиля, названного «плетение словес».

В зодчестве исихастские веяния обнаружить труднее. Тем не менее можно заметить, что «склонность к словесному орнаменту, к узорности и «украшенности» стиля литературных произведений не случайно совпадает по времени со стремлением к «украшенности» в архитектуре»²¹. Именно в это время были созданы отличавшиеся богатством декоративного убранства церкви Великого Новгорода: Спаса Преображения на Ильине улице, Федора Стратилата на Ручью, Петра и Павла в Кожевниках, Рождества Христова на Красном поле (или на кладбище) и другие произведения русского зодчества. «Украшенный» стиль во внешнем оформлении здания соединялся види-

мым наклоном наружных стен внутрь, что делало постройку динамичной, устремленной вверх, навстречу Божеству. Такие же приемы, искусственно создававшие образ летящего кверху храма, можно наблюдать в Успенском соборе в Коломне, в соборе Андроникова монастыря, в Троицкой церкви Троице-Сергиева монастыря и других.

Таким образом, исихастско-синергийные идеалы имели резонанс практически во всех сферах древнерусской культуры XIV–XV вв., образовав тем самым синергийный эффект, благодаря которому духовное направление в развитии русской культуры стало преимущественным, а этот период можно назвать пиком синергийного развития русской культуры. Введение же концепта синергии предоставляет философу и культурологу большие эвристические и эпистемологические возможности в исследованиях, посвященных русской культуре.

Список литературы:

1. Алпатов М.В. Фрески храма Успения на Волотовом поле // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР: Сб. статей. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 103-148.
2. Бердяев Н.А. Русская идея // Бердяев Н.А. Самопознание: Сочинения. М.: Эксмо, 2005. 640 с.
3. Берсенева Т.П. Категория синергии в теологической традиции // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2012. № 4 (111). С. 116-120.
4. Берсенева Т.П. Синергия и синергетика: категория исихазма и современная наука // Вестник Томского гос. университета. 2013. № 369. С. 41-47.
5. Берсенева Т.П. Синергия и диалектическое противоречие // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2012. № 3 (27). С. 102-108.
6. Биллингтон Д.Х. Икона и топор [Электронный ресурс] // Электронная библиотека Якова Кротова. (URL: http://krotov.info/library/o2_b/il/lington_oo.htm (дата обращения 01.08.2013)).
7. Бычков В.В. Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М.: Мысль, 1995. 637 с.
8. Кондаков И.В. «Новая Русь» и судьба человечества: русская культура в концепции Л.Н. Гумилева // Культура и искусство. 2013. № 1. С. 7-20. (DOI: 10.7256/2222-1956.2013.01.1).
9. Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб: Изд-во СПбГУП, 2006. 416 с.
10. Пивоваров Д.В. Синтетическая концепция культуры. Проблема синтеза основных дефиниций культуры // Пивоваров Д.В. Синтетическая парадигма в философии: избр. статьи. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 5-19.
11. Поддубный Н.В. Самоорганизующиеся системы: онтологический и методологический аспекты: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 2000. 335 с.
12. Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. Вопросы о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1916. 46 с.
13. Успенский Л.А. Богословие иконы Православной церкви [Электронный ресурс — URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=746> (дата обращения 01.08.2013)].
14. Философский словарь [Электронный ресурс — URL: http://mirslovarei.com/content_fil/sinergija-5058.html#ixzz2PsOdOF70 (дата обращения 01.08.2013)].
15. Хоружий С.С. Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы [Электронный ресурс — URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/isihazm.html> (дата обращения 01.08.2013)].

²¹ Там же. С. 131.

References (transliteration):

1. Alpatov M.V. Freski hrama Uspeniya na Volotovom pole // Pamyatniki iskusstva, razrushennye nemeckimi zahvatchikami v SSSR: Sb. statey. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. S. 103-148.
2. Berdyaev N.A. Russkaya ideya // Berdyaev N.A. Samopoznanie: Sochineniya. M.: Eksmo, 2005. 640 s.
3. Berseneva T.P. Kategoriya sinergii v teologicheskoy tradicii // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obschestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2012. № 4 (111). S. 116-120.
4. Berseneva T.P. Sinergiya i sinergetika: kategoriya isihazma i sovremennaya nauka // Vestnik Tomskogo gos. universiteta. 2013. № 369. S. 41-47.
5. Berseneva T.P. Sinergiya i dialekticheskoe protivorechie // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Social'nye nauki». 2012. № 3 (27). S. 102-108.
6. Billington D.H. Ikona i topor [Elektronnyy resurs] // Elektronnyaya biblioteka Yakova Krotova (URL: http://krotov.info/library/o2_b/il/lington_00.htm (data obrascheniya 01.08.2013)).
7. Bychkov V.V. Russkaya srednevekovaya estetika. XI-XVII veka. M.: Mysl', 1995. 637 s.
8. Kondakov I.V. «Novaya Rus'» i sud'ba chelovechestva: russkaya kul'tura v koncepcii L.N. Gumileva // Kul'tura i iskusstvo. 2013. № 1. С. 7-20. (DOI: 10.7256/2222-1956.2013.01.1).
9. Lihachev D.S. Izbrannye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture. SPb.: Izd-vo SPbGUP, 2006. 416 s.
10. Pivovarov D.V. Sinteticheskaya koncepciya kul'tury. Problema sinteza osnovnyh definicij kul'tury // Pivovarov D.V. Sinteticheskaya paradigma v filosofii: izbr. stat'i. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2011. S. 5-19.
11. Poddubnyy N.V. Samoorganizuyushiesya sistemy: ontologicheskij i metodologicheskij aspekty: diss. ... d-ra filos. nauk. Rostov-n/D, 2000. 335 s.
12. Trubeckoy E.N. Umozrenie v kraskah. Voprosy o smysle zhizni v drevnerusskoy religioznoj zhivopisi. M.: Tip. T-va I.D. Sytina, 1916. 46 s.
13. Uspenskiy L.A. Bogoslovie ikony Pravoslavnoy cerkvi [Elektronnyy resurs — URL: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=746> (data obrascheniya 01.08.2013)].
14. Filosofskiy slovar' [Elektronnyy resurs — URL: http://mirсловarei.com/content_fil/sinergija-5058.html#ixzz2PsOdOF70 (data obrascheniya 01.08.2013)].
15. Horuzhiy S.S. Isihazm v Vizantii i Rossii: istoricheskie svyazi, antropologicheskie problemy [Elektronnyy resurs — URL: <http://www.xpa-spb.ru/libr/Horuzhij/isihazm.html> (data obrascheniya 01.08.2013)].